

ЮЛІЙ ГЕССЕНЪ.

ЗАКОНЪ И ЖИЗНЬ

Какъ созидались ограничительные законы
о жительствѣ евреевъ въ Россіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Отъ автора.

„Законъ и слезы“—такъ слѣдовало бы озаглавить книгу, посвященную исторіи ограничительныхъ законовъ о правѣ жительства—вѣрнѣе, о правѣ на жизнь—евреевъ въ Россіи. Эти законы обильно орошены кровавыми слезами ряда поколѣній русскихъ евреевъ. Но при составленіи настоящей книги, въ поискахъ за одной холодной правдой, были заглушены чувства братскаго состраданія. Здѣсь передано лишь то, что повѣдали подлинныя документы, эти глухіе рассказчики, не прислушивающіеся къ измѣнчивымъ лозунгамъ дня. Изъ-за груды бумагъ не доносились извнѣ стоны еврейской жизни, не было видно живое многомиліонное лицо русскаго еврейства, искаженное страданіемъ.

Но и въ шелестѣ самихъ бумагъ слышались вздохи смертельной тоски, объявшей измученный народъ. Русскіе люди, какъ тѣ, которые питаютъ къ евреямъ добрыя чувства, такъ и тѣ, въ чьемъ сердцѣ таится ненависть къ нимъ, единодушно на протяженіи свыше ста лѣтъ свидѣтельствуютъ объ ужасающей бѣдности еврейскаго населенія, понижающей его нравственный уровень, о тяжелыхъ противостественныхъ условіяхъ его правовой жизни, влекущихъ его на путь преступленія.

Но пусть это будетъ забыто. Пусть молотъ ограничительнаго законодательства крошитъ еврейскій народъ, не вызывая ни въ комъ жалости. Пусть голосъ корысти отдѣльныхъ общественныхъ группъ заглушаетъ стонъ мученика-народа.

И при всемъ этомъ всякій, кому дорого благо страны, долженъ заглянуть въ мрачную глубину еврейскаго гетто, ибо эта разверстая пасть поглощаетъ не однѣ лишь еврейскія жертвы.

Русскіе люди не только прогрессивнаго образа мыслей, но и консервативно настроенные, вдумчиво относящіеся къ государственнo-общественнымъ явленіямъ, настойчиво указываютъ на то, что разложеніе экономической жизни евреевъ, вызываемое ненормальными условіями ихъ правового быта, губительно вліяетъ на государственное хозяйство страны, что отчаяніе, не сдерживаемое надеждами на лучшее будущее, различно проявляясь въ разнообразныхъ общественныхъ группахъ еврейства, приводитъ къ одному результату — понижая дѣеспособность миллионнаго народа и ослабляя его творческую силу, оно создаетъ кадры нищихъ и вноситъ смятеніе въ общественную атмосферу.

Не жалость къ страдальцу-народу должна эта книга вызвать въ русскомъ обществѣ—нашему вѣку чужды великія печали. Эти скорбныя страницы да не обратятъ онѣ взора читателя на изможденный ликъ еврейскаго народа. Пусть онѣ лишній разъ остановятъ русскую общественную мысль на судьбѣ самой родины. Задумавшись, по прочтеніи повѣсти еврейской жизни, надъ будущемъ страны, лучшіе русскіе общественные элементы, до сихъ поръ столь малодушно сторонившіеся этого будто бы страшнаго „еврейскаго вопроса“, поймутъ, что эмансипація евреевъ — это одно изъ тѣхъ дѣлъ-подвиговъ, выпадающихъ на ихъ долю, выполнение котораго требуется насущными нуждами страны.

Еврейское безправіе питается общественною корыстью и предразсудками—съ ними надо бороться.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Характеръ русскаго ограничительнаго законодательства о евреяхъ.—Отсутствіе планомѣрности и опредѣленности въ цѣляхъ.—Безсиліе законодательства въ борьбѣ съ требованіями жизни.—Роль правительства и общества въ созиданіи ограниченій.

Когда окидываешь взоромъ хаотическую громаду—русское ограничительное законодательство о евреяхъ, возникаетъ скорбный вопросъ: для какой реальной надобности, по какимъ побудительнымъ причинамъ, по какому плану люди трудились въ теченіе болѣе вѣка надъ созиданіемъ его? Но отвѣта нѣтъ.

Оставаясь неизмѣннымъ въ своихъ основныхъ моментахъ, это ограничительное законодательство существовало при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ русской политической и общественной жизни, далеко не всегда находясь въ непосредственной связи съ ней. Если въ періоды либеральныхъ вѣяній положеніе еврейскаго народа нѣсколько облегчалось, то все же эволюція государственной и общественной жизни Россіи весьма слабо отражалась на его судьбѣ.

Стѣснительные законы устанавливались по самымъ разнообразнымъ поводамъ, порою до смѣшного прихотливымъ. Но мотивы, которыми оффиціально объяснялось появленіе того или иного законодательнаго акта, вращались главнымъ образомъ въ сферахъ экономической, религіозной и гражданской, т. е. относились къ наименѣе измѣнчивымъ моментамъ въ жизни страны, благодаря чему законодательство, направленное къ ограниченію евреевъ въ правахъ, получало съ внѣшней стороны какъ бы болѣе устойчивый и послѣдовательный характеръ. Противъ евреевъ выдвигались обвиненія въ эксплуатаціи экономически слабаго населенія, въ стремленіи произвести религіозное давленіе на сосѣдей, во

враждебныхъ отношеніяхъ къ иновѣрцу, въ игнорированіи интересовъ государства или общества, въ неисполненіи гражданскихъ обязанностей и проч.

Подобныя „преступленія“—независимо отъ того, какъ они оцѣниваются, съ точки-ли зрѣнія человѣческой справедливости, или исторической необходимости и т. д.,—по своему существу вытекающія изъ сложнаго соотношенія моральныхъ и матеріальныхъ силъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, носятъ, конечно, универсальный характеръ; эти явленія встрѣчаются въ жизни и дѣятельности любого народа и, до известной степени, объясняются общечеловѣческими слабостями и пороками.

Указанныя явленія не чужды, разумѣется, и евреямъ. Но законодатель, создавая для евреевъ ограничительныя правила, придавалъ—въ рѣзкихъ и авторитетныхъ выраженіяхъ—тому или другому изъ указанныхъ явленій специфически-еврейскій характеръ; оголяя это явленіе отъ окружающихъ условій экономической, гражданской или культурной жизни страны, не останавливаясь даже на вопросѣ объ его неизбежности или необходимости, законодатель изображалъ его исключительно, какъ продуктъ злой воли и притомъ злой воли не отдѣльныхъ евреевъ, а всего народа.

Самымъ губительнымъ изъ ограничительныхъ законовъ является, безспорно, лишеніе свободы въ жительство и передвиженіи, болѣзненно поражающее почти всѣ стороны еврейскаго существованія. Суровый запретъ пользоваться естественнымъ правомъ жить и передвигаться по всей территоріи страны, лежащій въ основѣ многограннаго репрессивнаго законодательства, сковывая дѣятельную волю еврея въ области физическаго и умственнаго труда, налагаетъ свою тяжелую мертвящую печать на его духовный и экономическій бытъ.

Зарожденіе ограничительнаго законодательства въ отношеніи передвиженія и жительства евреевъ относится къ тому времени, когда прикрѣпленіе обывателя къ данному мѣсту лежало въ основѣ русской государственно-общественной жизни,—этимъ-то обстоятельствомъ во многомъ и уясняются условія, при которыхъ былъ положенъ первый камень этого законодательства, — но среди позднѣйшихъ

явленій русской жизни и въ кругу современныхъ условій рѣшительно нельзя отыскать какихъ-либо живыхъ силъ, которыми это кандалное законодательство поддерживалось бы столь долгое время.

Приводя внѣшне къ одному общему результату, т. е. къ удержанію евреевъ въ тѣхъ или другихъ территоріальныхъ границахъ, ограничительные законы въ отношеніи жительства и передвиженія не являются, по своей внутренней цѣли, идентичными; противорѣчивымъ разнообразіемъ въ мотивахъ и поводахъ, вызвавшихъ тотъ или другой законъ, опредѣляется разнообразіе самихъ законовъ по ихъ существу; лишь формально эти законы могутъ быть объединены въ нѣчто единое и цѣльное.

И охватывая взоромъ совокупность обстоятельствъ, которыми сопровождалось возникновеніе многостороннихъ ограниченій въ правѣ передвиженія и жительства, нельзя не убѣдиться, что ни одинъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ установленію отдѣльныхъ ограничительныхъ законовъ, не является господствующимъ, не играетъ первенствующей роли; ни одинъ изъ этихъ факторовъ не далъ строго-опредѣленныхъ очертаній законодательной работѣ о евреяхъ.

Боялся ли законодатель, вообще, сосѣдства еврейскаго населенія съ христіанскимъ? Принципіально, расселеніе еврейскаго народа по Россіи его вовсе не смущало. Съ переходомъ бывшихъ польскихъ евреевъ подъ русскую власть прежняя территорія еврейской осѣдлости въ Польшѣ была уже вскорѣ расширена; а затѣмъ еврейскому купечеству и мѣщанству былъ предоставленъ пріѣздъ во внутреннія губерніи на довольно продолжительное время; позже—цѣлый рядъ категорій еврейскаго населенія получилъ право свободно селиться почти по всему государству. Однако, наряду съ этимъ, остальному еврейскому населенію не только строго-жайше воспрещалось переступать черту осѣдлости, но въ самихъ предѣлахъ черты, въ отдѣльныхъ случаяхъ, стали создаваться мелкія, сравнительно, по своей цѣли, но, быть можетъ, тѣмъ болѣе оскорбительныя ограниченія, доходящія до запрета жить въ опредѣленномъ городѣ, даже въ опредѣленныхъ городскихъ участкахъ. И эти мелочныя ограниченія проводились и проводятся понынѣ со строгостью, которая

совершенно не соотвѣтствуетъ существу запрета и которая не всегда примѣнялась даже при осуществленіи болѣе важныхъ, на взглядъ законодателя, репрессивныхъ правилъ.

Страшился ли законодатель экономическаго порабощенія евреями христіанскаго населенія вообще? Нѣтъ, не страшился. Отступленія, которыя столь часто допускались отъ общихъ ограниченій въ сферѣ жительства и передвиженія, преимущественно вызывались реально ощущавшейся необходимостью устранить препятствія, парализовавшія развитіе экономической дѣятельности еврейскаго населенія. Именно торгово-промышленная дѣятельность евреевъ побуждала законодателя устанавливать для нихъ соотвѣствующія, такъ сказать, льготы. Однако, на отдѣльныя стороны гражданской жизни евреевъ, тѣсно сплетающейся съ ихъ торгово-промышленною дѣятельностью, продолжали сыпаться ограниченія, не вызываемыя видимой необходимостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ евреямъ нерѣдко ставились въ вину такіе виды дѣятельности, которыми торговля всюду обыкновенно сопровождается, и въ связи съ этимъ вводились предупредительныя мѣры, нерѣдко переходившія далеко за предѣлы той цѣли, которая имѣлась въ виду.

Тревожился ли законодатель за судьбу менѣе развитаго русскаго населенія—крестьянскаго? Этого опасенія не было. Еще въ первую четверть 19-го вѣка, послѣ долгаго и всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, мысль о пресѣченіи сношеній между крестьянами и евреями была оставлена, а позже, въ тѣхъ случаяхъ, когда почему-либо признавалось крайне необходимымъ, въ интересахъ крестьянства, отдалить отъ него евреевъ, соображеніе о казенной выгодѣ побуждало законодателя допускать ихъ къ соприкосновенію съ крестьянской жизнью.

Пугало ли законодателя культурное воздѣйствіе евреевъ на христіанъ? Отнюдь нѣтъ. Именно высшее образованіе надѣляло евреевъ правомъ повсемѣстнаго жительства.

Безпокоила ли законодателя мысль, что евреи будутъ совращать христіанъ въ лоно еврейской вѣры? Исторія евреевъ въ Россіи не давала рѣшительно никакого повода для подобныхъ опасеній: тамъ, гдѣ евреи жили массами, не возникало религіозныхъ броженій, связанныхъ съ еврейской вѣрой. Іудействующія секты распространялись въ губерніяхъ,

въ которыхъ евреи проживали въ самомъ незначительномъ числѣ. Несмотря на это, тревога за неприкосновенность религіозныхъ убѣжденій христіанскаго населенія оставила въ законодательныхъ матеріалахъ извѣстные слѣды, но все же сколько-нибудь замѣтной окраски это опасеніе не наложило на нынѣ дѣйствующее законодательство.

Выводъ одинъ. Русскіе ограничительные законы о евреяхъ въ своей совокупности не преслѣдовали одной какой-либо цѣли, ясно намѣченной и устойчивой. Законодательство видоизмѣнялось, развивалось, но жизнедѣятельность законодателя не вызывалась какой-либо широкой задачей, которая остро и опредѣленно ставилась бы жизнью; задачей, которая, вытекая изъ условій дѣйствительности, руководила бы имъ.

Законодательный аппаратъ работалъ, но не созидалъ; онъ билъ постоянную тревогу и, самъ не зная покоя, никому не давалъ его. Законодатель стремился къ цѣли, которой никогда не могъ добиться и это потому, что онъ направлялся къ цѣли, которую не ставилъ себѣ конкретно, которую не выразилъ въ открытомъ словѣ, въ явномъ непреклонномъ намѣреніи.

Но была же какая-то сила, которая нервно толкала законодателя то въ одну, то въ другую, нерѣдко противоположную сторону.

Было же нѣчто такое, что безпрестанно тревожило законодателя, вызывало его къ дѣятельности, но что вмѣстѣ съ тѣмъ не ставило его въ непосредственную связь съ жизнью, благодаря чему то, что дѣлалось сегодня—противорѣчило сдѣланному вчера, или сдѣланное сегодня—отмѣнялось завтра.

Источникъ силы, возбуждавшей законодателя къ лихорадочной работѣ, лежалъ внѣ сферы фактовъ жизни, за предѣлами требованій дѣйствительности. И, быть можетъ, именно поэтому сила эта не владела законодателемъ въ такой мѣрѣ, чтобы имъ властно распоряжаться; она, однако, не была на столь слабой, чтобы не отражаться на отдѣльных его дѣйствіяхъ.

Предубѣжденіе противъ евреевъ, и не столько, какъ нехристіанъ, сколько именно, какъ евреевъ, съ предками которыхъ связанъ трагическій конецъ земной жизни Христа; ненависть къ конкуренту-врагу, котораго никакъ, будто,

нельзя побѣдить; суевѣрный страхъ передъ народомъ, духовная жизнь котораго такъ непонятна, такъ таинственна, что представляется чудовищно-страшной,—всѣ эти чувства, обильно разсыпанныя въ душѣ отдѣльныхъ людей, но не объединяющіяся при свѣтѣ дня въ совѣсти цѣлаго народа, всѣ эти чувства и составили ту скрытую силу, которая искажила въ глазахъ законодателя дѣйствительный обликъ жизни еврея, вѣрнѣе сказать—силу, которая заставила правительство исказить живую дѣйствительность; силу, которая, держа законодателя въ безпричинномъ страхѣ, въ стихійномъ смятеніи и въ безвольномъ состояніи, не допускала его до созидательной работы, а понуждала его лишь уничтожать то, что творила жизнь, и творить то, что жизнь неминуемо должна была уничтожить.

Поэтому-то въ основу ограничительнаго законодательства положена отвѣтственность всего еврейскаго населенія за каждаго члена въ отдѣльности. Ограничительное законодательство затягиваетъ петлей не только тѣхъ, кто, съ точки зрѣнія данной законодательной мѣры, признается виновникомъ того или другого вреднаго явленія, но душитъ и прочее еврейское населеніе: одинъ за всѣхъ, всѣ за одного.

Въ связи съ этимъ, подъ вліяніемъ религіознаго предубѣжденія, съ одной стороны, и подъ давленіемъ торгашеской зависти обывателя—съ другой, администрація усугубляла на практикѣ суровость репрессивныхъ мѣръ: создавая всяческія сомнѣнія въ примѣненіи законовъ, возбуждая многообразные вопросы, она ихъ разрѣшала въ смыслѣ расширенія дѣйствія ограничительныхъ правилъ, и къ жертвамъ законодателя присоединялись жертвы исполнительной власти...

Такъ, въ многообразныхъ тискахъ бьется въ теченіе болѣе вѣка въ мучительныхъ корчахъ еврейское существованіе въ Россіи. Тайна великаго терпѣнія еврейскаго народа скрыта въ его религіозномъ сердцѣ, въ мысли, умудренной многовѣковымъ историческимъ прошлымъ. Эта сила духа спасла еврея отъ страха жизни; сохранивъ въ немъ вѣру въ будущее, она заставляла его переживать нынѣшній день въ надеждѣ на завтрашній. Нужно было жить, и еврей жилъ...

Но какъ же могъ онъ существовать въ безднѣ своего безправія? Пользуясь человѣческими слабостями, онъ прибѣ-

галъ къ тому средству, которое было наиболѣе дѣйстви-
тельно по условіямъ времени и мѣста: онъ *покупалъ*, въ пря-
момъ и полномъ смыслѣ этого слова, право на жизнь.

И къ числу обвиненій, щедро предъявляемыхъ евреямъ,
присоединилось новое — они, молъ, развращаютъ админи-
страцію, толкаютъ низшихъ представителей власти на путь
забвенія своего долга...

Когда эти выводы, какъ результатъ историческаго обзора
важнѣйшихъ ограничительныхъ законовъ о евреяхъ въ
Россіи, были сдѣланы мною для представленія членамъ
первой Государственной Думы ¹⁾, торжественно-повышенное
настроеніе, которое переживали тогда прогрессивные эле-
менты русскаго общества, воспалило фантазію еврейскаго
народа, и большинству его чудилось, что однимъ напряжен-
нымъ душевнымъ движеніемъ, вызваннымъ глубоко-проникно-
веннымъ сознаніемъ всей важности наступившаго историче-
скаго момента, народные представители разрушаютъ стѣны
еврейскаго безправія, раскуютъ цѣпь униженія, остро, до
крови впившуюся въ еврейскую жизнь. И тогда вчерашній
день станетъ отдаленнымъ, полузабытымъ прошлымъ.

Но не всѣ вѣрили въ эту сказку, рожденную печалью
еврейской души.

Знали мы, что грохотъ повседневной суетливой жизни
жестоко и цинично выветъ этотъ старый, закаленный
страданіями народъ изъ-подъ ласковой власти сновидѣнія.

Обширный суровый законодательный матеріалъ, регули-
рующій еврейскую жизнь на протяженіи шести-семи по-
колѣній, и громоздкіе труды правительственныхъ канцелярій,
подготавливавшихъ эти законы, отпугивали фантазію. Старая
тряпичная бумага не скоро истлѣваетъ: вынесенные наружу,
старые законодательные акты своей свѣжестью не отлича-
лись отъ новѣйшихъ твореній въ этой области.

Если бы повседневную судьбу евреевъ въ Россіи творила

¹⁾ См. отдѣлъ „Примѣчанія“ въ концѣ книги.

одна лишь бюрократическая власть, можно было бы повѣрить, что обновленіе страны немедленно дастъ гражданскую свободу еврейскому населенію. Но безпристрастное изученіе фактовъ прошлаго раскрываетъ предъ нами правду, которой мы должны безстрашно взглянуть въ глаза.

Не одни только представители власти творили ограничительные законы. Они ихъ писали, они ихъ истолковывали, они приписывали себѣ авторскую честь, но созидательная сила неоднократно исходила изъ разнообразныхъ круговъ общества.

И, именно, эта правда не позволяла возмечтать, что достаточно духовнаго общественнаго подъема, чтобы ограничительное законодательство сразу превратилось въ тотъ *историческій* матеріалъ, который, утративъ непосредственную связь съ настоящимъ, говоритъ лишь о прошломъ.

Ограничительное законодательство явилось результатомъ сложныхъ взаимоотношеній между различными общественными группами, съ одной стороны, и между ихъ совокупностью и правительствомъ — съ другой. Въ средѣ многообразныхъ общественныхъ группъ происходила то явная, то скрытая борьба за сохраненіе или за ограниченіе правъ евреевъ; боролись, конечно, не во имя принципа справедливости или естественныхъ правъ евреевъ; различіе интересовъ превращало однихъ — въ защитниковъ евреевъ, другихъ — въ противниковъ послѣднихъ. Эти конкурирующія между собою группы апеллировали къ правительству, которое, съ своей стороны, въ зависимости отъ разнообразныхъ обстоятельствъ дня или личныхъ вліяній, становилось то въ ряды защитниковъ евреевъ, то въ ряды противниковъ.

Есть порочныя дѣянія, которыя рождаются во мракѣ и тайнѣ, дѣянія, отъ которыхъ людей удерживаетъ только свѣтъ дня. Чтобы разрушить ограничительное законодательство, надо отдернуть завѣсу, скрывающую правду его созиданія, и обнажить позоръ его существованія. Необходимо открыто засвидѣтельствовать, что творцомъ ограничительнаго законодательства о евреяхъ является не только правительство, но и общество.

Надо показать, что евреи приносились въ жертву не высокимъ государственнымъ интересамъ, а личной мелкой ко-

рысти, злобнымъ вожделѣніямъ, невѣжественному фанатизму, суетнымъ домогательствамъ.

Исторія возникновенія стѣснительныхъ законовъ о жительствахъ евреевъ можетъ дать въ этомъ отношеніи много яркихъ картинъ.

Ростъ ограничительнаго законодательства.

Періодъ до перехода въ русское подданство.

Давность еврейскаго поселенія въ Россіи.—Стремленіе Верховной власти въ 18 в. удалить евреевъ изъ страны.—Вынужденное повтореніе соотвѣтствующихъ повелѣній. — Ходатайство малороссійскихъ и рижскихъ властей объ отмѣнѣ выселенія.—Тайное содѣйствіе имп. Екатерины II водворенію евреевъ въ Россіи.—Просьба рижскаго депутата о допущеніи ихъ въ городъ.

Исторія своевольна. Шествуя по пути, ей одной вѣдомому, она часто поражаетъ человѣчество своими причудливыми движеніями. Въ предвидѣніи же какого будущаго, скрытаго отъ насъ, она столь настойчиво добивалась того, чтобы большинство потомковъ древнѣйшаго народа, прошедшаго длинный культурный путь, сосредоточилось въ предѣлахъ государства, сравнительно молодаго, позже другихъ приобщавшагося къ современности?

Евреи издавна поселились на территоріи нынѣшней Россіи и съ тѣхъ поръ непрерывно проживаютъ здѣсь въ большемъ или меньшемъ числѣ. Въ Крыму молчаливые могильные памятники говорятъ о пребываніи ихъ еще до христіанскаго лѣтосчисленія. Кавказскія горы въ легендахъ, поэтическомъ эхо исторіи, хранятъ сѣдыя воспоминанія о предкахъ нынѣшнихъ евреевъ-горцевъ. Днѣпръ, пробѣгая мимо Кіева, уже за много столѣтій до насъ видѣлъ тамъ кипучую торговую дѣятельность евреевъ. А западныя губерніи каждымъ клочкомъ земли повѣствуютъ о вѣковой исторической жизни евреевъ на этихъ мѣстахъ. Давнимъ является пребываніе евреевъ и въ Царствѣ Польскомъ. Въ Курляндіи и Лифляндіи евреи также имѣютъ грустныя воспоминанія о длительной борьбѣ за право проживанія.

Созидає себя, Русь смела съ лица земли многія народности, а позже, уже прочно существуя, она, оберегая свою вѣру и свою добычу, долго, съ тяжелымъ упорствомъ дремлющаго великана, отгоняла отъ себя тѣхъ, кто могъ нарушить ея покой.

Евреи, наряду съ иностранцами, подвергались порою притѣсненіямъ; они то изгонялись изъ страны, то предупредительно не впускались сюда. Но всѣ подобные удары, обрушивавшіеся на евреевъ, то лѣниво, то свирѣпо, не могли запугать этихъ чужаковъ, жизненные потребности которыхъ были сильнѣе страха предъ кулакомъ.

Наступилъ 18-ый вѣкъ, ставшій въ Россіи въ отношеніи евреевъ ареной для борьбы между безсильными человѣческими велѣніями и властными требованіями исторіи. Это столѣтіе началось довольно печально для евреевъ. Могло даже казаться, что, наконецъ-то, религіозная вражда къ евреямъ одержитъ верхъ надъ экономическими факторами, которымъ въ то время, впрочемъ, старались придавать слишкомъ ничтожное значеніе въ государственной жизни, и Россія избавится отъ евреевъ. Начался періодъ настойчиваго стремленія освободить страну отъ нихъ. Бумаги писались и подписывались... А между тѣмъ отдаленныя событія, столь мало, казалось, имѣвшія отношеніе къ евреямъ, шли своимъ чередомъ, должествуя въ одномъ изъ своихъ итоговъ ввести въ составъ русскаго государства милліонное еврейское населеніе.

Во второй четверти 18-го в. евреи встрѣчались въ Россіи преимущественно, да и то въ небольшомъ числѣ, въ Малороссіи, Смоленской губ. и Ригѣ. Въ 1727 г. имп. Екатерина I повелѣла нарушить контрактъ на откупъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ въ Смоленскомъ уѣздѣ, заключенный съ двумя евреями, и выслать обоихъ съ ихъ товарищами изъ страны. А затѣмъ, въ томъ же году приказала удалить немедленно всѣхъ евреевъ, находящихся на Украинѣ и въ другихъ россійскихъ городахъ, и впредь ихъ въ Россію „ни подъ какими образами“ не впускать.

Эта мѣра не была еще, повидимому, осуществлена, какъ уже начались послабленія. Въ слѣдующемъ году, въ недолгое царствованіе Петра II, евреямъ было разрѣшено пріѣзжать въ Малороссію на ярмарки для оптовой, но отнюдь

не розничной торговли. При этомъ, правда, была подтверждена сила предыдущаго указа, запретившаго постоянное проживаніе евреевъ въ странѣ. Но можно было предвидѣть, что временные прїѣзды, съ согласія мѣстной власти, легко превратятся въ длительное пребываніе. Въ 1731 г., при Аннѣ Іоанновнѣ, право временнаго проживанія было распространено на Смоленскую губернію. Затѣмъ евреямъ разрѣшили торговать на ярмаркахъ не только оптомъ, но и въ розницу. Наконецъ, указомъ 6 февраля 1736 г. сенатъ разрѣшилъ сдавать евреямъ, прїѣзжающимъ изъ Польши въ Смоленскую губернію, поставку вина въ губерніи, если ихъ цѣна будетъ выгоднѣе прочихъ ²). Такимъ образомъ, интересы фиска заставили сенатъ согласиться на болѣе или менѣе долговременное пребываніе евреевъ въ странѣ: исполненіе подобныхъ договоровъ съ казною требовало, чтобы подрядчики пребывали въ краѣ на срокъ контракта. Нельзя сказать, чтобы сенатъ не сознавалъ, что онъ нарушаетъ законъ о евреяхъ; „а впредь—говорилось въ томъ же указѣ—о жидкахъ поступать по прежнимъ указамъ“,—но разъ нарушеніе закона обѣщаетъ прибыль казнѣ, можно сдѣлать исключеніе, несмотря на то, что за нѣсколько лѣтъ, по повелѣнію имп. Екатерины I, контракты съ евреями по откупъ сборовъ были расторгнуты, а они сами подверглись высылкѣ изъ Россіи.

Вскорѣ, дѣйствительно, обнаружилось, что предоставленное евреямъ въ Малороссіи временное пребываніе послужило имъ основаніемъ для прочной осѣдлости. Для этого было, конечно, мало одной лишь доброй воли самихъ евреевъ, необходимо было также согласіе мѣстныхъ властей. Последняго евреямъ, въ сущности, не приходилось добиваться. Объ этомъ заботились тѣ, кому евреи нужны были въ качествѣ шинкарей. Доходы съ питейныхъ промысловъ составляли въ ту пору основу бюджета частныхъ лицъ, монастырей и самаго государства. Обще интересы требовали, чтобы питейные промыслы широко развивались и съ этой цѣлью евреевъ привлекали и монастыри, и сановныя лица. Такъ, за Кіево-Софійскимъ монастыремъ числилось три еврея, въ „отписныхъ маетностяхъ“—одиннадцать, за генераль-фельд-маршаломъ Минихомъ—пятнадцать; далѣе слѣдовали титу-